

МАРКЕМА «БЕЗБРЕЖНОСТЬ» В ЛИРИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА 1890-х годов

Н. А. Молчанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

Аннотация: в статье анализируется одна из наиболее важных маркем в ранней лирике К. Д. Бальмонта и выясняется, как с ее помощью раскрывается «пространство души» лирического героя поэта и постепенно расширяется хронотоп поэтических книг 1890-х годов.

Ключевые слова: маркема, лирика, стиль, символизм.

Abstract: in the article one of the most important markemes for K.D. Balмонт's early lyric poetry is analysed. Its role in the poet's explication of his lyric hero's «space of the soul» and also in gradual widening of the 1890s poetry books' chronotop is explored.

Key words: markeme, lyric poetry, style, symbolism.

Маркема «безбрежность»* – одна из наиболее частотных и важных в ранней лирике К. Д. Бальмонта. Сам поэт-символист находил истоки данного образа в поэзии Фета, он утверждал: «Слово Безбрежность впервые было введено в русский стих Фетом» [1, с. 234]. Следует заметить, что это слово употреблялось в русской поэзии и раньше, лингво-статистический метод исследования позволил выявить довольно широкий круг авторов XIX в., использующих маркему «безбрежность» в стихотворных текстах (А. Д. Иличевский. Акерманские степи: «Вплывя в пространный круг сухого океана...» (1827); Ф. Н. Глинка. Иная жизнь: «Как стебель скошенной травы...» (1830–1849); А. В. Кольцов. Видение Наяды: «Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной...» (1831); В. И. Соколовский. К деве-поэту: «Я кличу клич: «Изящные счастливы!»...» (1837–1838); И. И. Козлов. Гимн Орфея: «Когда целуете прелестные уста...» (1839); Н. П. Огарев. Юмор. Часть вторая: «Я начинаю к вам писать...» (1840–1841); Н. Ф. Щербина. «Наши очи малы...» (1848)).

Однако если в лирике 1820–1840-х гг. слово «безбрежность» однозначно ассоциировалось с водной стихией (море/океан), то в поэзии Фета оно приобрело особую смысловую емкость и многоликость. В стихотворении «Горное ущелье» («За лесом лес и за горами горы...», 1856) лазурная «безбрежность» становится приметой «иного мира», оказавшейся столь созвучной эстетике символизма: «Как будто из действительности чудной / Уносишься в волшебную без-

брежность» [2, с. 230]. В других стихотворениях Фета «безбрежность» связывается с Божьим «твореньем» мира («Заря. Сияет край востока...», 1858) и, что особенно важно для Бальмонта, с солнечным «лучом»: «...Пусть и безбрежность сама / От нас загорится огнями» [там же, с. 269] («Теснее и ближе сюда!...», 1888). Не случайно Фет – знаковая фигура для всех русских символистов – воспринимался как предтеча, «учитель».

В лирике К. Д. Бальмонта маркема «безбрежность» возникает в сборнике «Под северным небом» (1894), в котором ориентация на стилевые традиции романтической поэзии XIX в. сочетается с поисками более сложных форм образной выразительности. Сквозной мотив сборника – «бесконечная печаль». Маркема «бесконечность» здесь не является синонимом «безбрежности», так как с нею чаще всего ассоциируется что-то тяжелое, давящее: «бесконечная тоска» [3, с. 54], гнетущая сознание «бесконечная даль» [там же, с. 33].

Пространственный художественный мир сборника «Под северным небом» создается с помощью антитез «земля – небо», «верх – низ», «движение – неподвижность». Две первые антитезы отнюдь не тождественны, потому что «небо» обозначается как «северное», «хмурое», «неуютное». Устремленность лирического героя поэта от «низа» (внешнего мира) «вверх» (в мир идеальный) – это движение к «красоте бесконечной», которое противостоит давлению на него как «земли», так и «северного неба». Именно мир «красоты» – «иной мир» впервые называется в сборнике «безбрежным»: «Моя душа стремится в мир иной, / Пленяясь всем далеким, всем безбрежным» [3, с. 26]. Мотив «полета» души лирического героя К. Д. Бальмонта в «безбрежность» реализуется с

* О понятии «маркема» см.: Кретов А. А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалии русской литературы 2. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. – С. 138–153.

© Молчанова Н. А., 2012

использованием еще одной маркемы – «*безграничность*». «Мировое четверогласие стихий» в 1890-е гг. в бальмонтовской лирике пока не сформировалось, и маркема «*безграничность*» характеризует только две природные стихии – воды и воздуха: «...и хочется капелькой быть в безграничной пучине морской» [3, с. 31], «чтоб мог я на них (крыльях. – Н. М.) улететь в безграничное царство Лазури» [3, с. 36].

В сборнике К.Д. Бальмонта «В безбрежности» (1895), тяготеющем по своей структуре к жанру поэтической книги, заглавная маркема делается ключевой, наполняется новым смысловым содержанием. В. Ф. Марков не без оснований полагал, что она восходит к стихотворению В. С. Соловьева 1892 г. «Зачем слова? В безбрежности лазурной...» [4, с. 43]. В. С. Соловьеву Бальмонт позднее, в 1903 г., посвятит стихотворение «Воздушная дорога», название которого явилось реминисценцией из вышеназванного текста поэта-философа. Узловые символические образы первого раздела сборника («За пределы») – «болото» и «пустыня» – призваны воссоздать добытийное существование земного мира, «*бесконечность*» которого непостижима и страшна, заключает в себе нигилистический дискурс «пустоты» [5]: «бесконечная грусть, безграничная даль» [3, с. 58], «этот шепот бесконечный» [там же, с. 102], гигантские ужасные цветы «растут в пространстве бесконечном» [там же, с. 117]. Правда, в памяти лирического героя сохранилась и другая «бесконечность» – «неземной красоты, / Где миг превращается в вечность» [там же, с. 106].

Появившаяся новая маркема *беспредельность* имеет амбивалентное значение, совмещая в себе «пустой», т.е. лишенный жизненного духовного начала, дискурс и «мир чудесный» «светлой Безбрежности» [3, с. 125–126].

Во втором разделе сборника «В безбрежности» («Любовь и тени любви») маркема «*безбрежность*» охватывает не только внешний мир («пустыня безбрежного моря» [3, с. 80]), но и «пространство души» лирического героя поэта – это, прежде всего, «страсти дремлющей безбрежность» [там же, с. 88]. Именно в любовном порыве бальмонтовский герой осуществляет свой «полет» от мировой скорби «земли» в «безбрежность» страсти:

Горящий атом, я лечу,
В пространствах – сердцу лишь известных,
Остановиться не хочу...
В туманной мгле пустынь безбрежных,
В бездонных сферах Бытия [3, с. 125].

«Безбрежность» любовного чувства здесь гиперболизирована, доведена до «предела»: «За сладкий восторг упоенья / Я жизнью своей заплачу! / Хотя бы ценой преступления – / Тебя я хочу» [3, с. 104].

В качестве характеристики «пространства души» данная маркема используется и в лирике В. Я. Брюсова 1890-х гг., причем в ней содержится как «диаволический» (Ханзен-Лёве) дискурс «пустоты» («И твой образ над призрачной бездной / На миг дрожал. / Он ушел, как в пустую безбрежность, / Во глубь стекла...» [7, с. 61]), так и мотив «полета» в мир мечты («Хорошо, уносясь в безбрежность, / За собою видеть себя...» [6, с. 62]).

Для поэтики символизма антитеза «верх – низ» оказалась весьма значимой. Она становится одной из главных в бальмонтовском сборнике «В безбрежности». Несмотря на то, что «восхождение» лирического героя вверх по «ступеням» «башни» в первом стихотворении («Я мечтою ловил уходящие тени...») оборачивается впоследствии, по мере развития лирического сюжета, дорогой «никуда», в завершающем разделе («Между ночью и днем») звучат жизнеутверждающие, оптимистические ноты, а местоимение «я» заменяется на «мы»:

За пределы предельного,
К безднам светлой Безбрежности...

Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте [3, с. 127].

В третьей книге К. Д. Бальмонта «Тишина» (1898), завершающей первый период его творчества, образ лирического героя все более ассоциируется с миссией поэта. Ему, погруженному в «тишину», способному слышать «Голос Молчания», открываются неведомые до того стороны познания мира, что определило появление в книге философско-космических и теософских мотивов. В «Тишине» рождается миф о поэте – «стихийном гении», причастном всем природным явлениям («я вольный ветер, я вечно вею...», «Я, как ландыш, бледнея, цвету...») и одновременно терзаемом «демоническими» силами. «Уход» лирического героя книги от земной юдоли в «Храм Гениев мечты» сопровождается активным использованием маркемы «*безбрежность*»: «Там счастье Безбрежности, / Где слито все в одно» [3, с. 135], «И гасну я без снов, / Затерянный в безбрежности / Тоскующих миров» [там же, с. 134]. С любимым поэтом Шелли Бальмонта роднит то, что «И я, как ты, люблю равнины / Безбрежных стонущих морей...» [там же, с. 174]. В то же время пространственный «безбрежный простор», который раньше оценивался под знаком «красоты», теперь может напомнить о «северном небе», холодном «полюсе», неизбежности смерти (в цикле «Мертвые корабли»).

Маркема «*бесконечность*» в книге «Тишина» утрачивает негативное лексическое значение, почти сливаясь с «*безбрежностью*» («Чья душа коснулась

бесконечности, / Тот навек проникся тишиной» [3, с. 162]. Более сложные метаморфозы претерпевает маркема «беспредельность», символизируя одновременно и «счастье», и кошмарные предчувствия лирического героя, когда он оказывается во власти «демонических» сил:

Тихое счастье
В синей Безбрежности...
Счастье забвения –
Там в беспредельности [3, с. 159].

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых небес... [3, с. 179].

Таким образом, с помощью основных маркем – («безбрежность», «бесконечность», «безграничность», «беспредельность») – в ранней лирике К. Д. Бальмонта не только раскрывается «пространство души» его лирического героя, но и постепенно расширяется хронотоп книг, охватывая прошлое, настоящее и будущее.

Бальмонтская устремленность к «безбрежности» в начале 1900-х гг. будет замечена символистами-теургами, прежде всего А. Белым и А. Блоком. У раннего А. Белого маркема «безбрежность» ассоциируется с уплывающим кораблем – «золотым Арго» и одновременно с ускользающим от его лирического героя любовным чувством («Мелькал корабль, с зарею уплывавший ... / И вот его в безбрежность унесло» [7, с. 174]; « – Да, может быть, – сказала ты, – Не то... / ...И вот тебя в безбрежность / Понесло...» [8, с. 216]. А. Блок периода «Стихов о Прекрасной Даме» вкладывал в данную маркему амбивалентный смысл: это символ «иных миров», не воспринимающих «здешних» песен («Моря души – просторны и безбрежны, / Погибнет песнь, в безбрежность удаляясь»

[9, с. 114]; это вечный сон смерти («За тем же сном в безбрежность уплыву» [9, с. 485], это «безнадежность» земного существования («В явь ото сна умчит меня безбрежность, / Как ураган» [9, с. 484])).

Серьезный отечественный филолог Е. В. Аничков в 1910 г. писал: «Нельзя говорить о русском символизме, забыв о Бальмонте» [10, с. 74]. Опыт создания словообразов зачинателя русской модернистской поэзии в какой-то мере учли не только его собратья по символизму, но и последующие литературные школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Д. Имени Тютчева / К. Д. Бальмонт // К. Д. Бальмонт. О русской литературе. Воспоминания и раздумья. 1892–1936. – М., 2007.
2. Фет А. А. Соч. : в 2 т. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. Переводы / А. А. Фет. – М., 1982.
3. Бальмонт К. Д. Собр. соч. : в 7 т. / К. Д. Бальмонт. – М., 2010. – Т. 1.
4. Markov Vladimir. Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont / Vladimir Markov. – Köln ; Wien, 1988.
5. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве. – СПб., 1999.
6. Брюсов В. Я. Соч. : в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1987. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы.
7. Белый Андрей. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Андрей Белый. – СПб. ; М., 2006. – Т. 1.
8. Белый Андрей. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Андрей Белый. – СПб. ; М., 2006. – Т. 2.
9. Блок Александр. Собр. соч. : в 8 т. / Александр Блок. – М. ; Л., 1960. – Т. 1.
10. Аничков Е. В. Константин Дмитриевич Бальмонт / Е. В. Аничков // Русская литература XX века : 1890–1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. – М., 2000. – Кн. 1.

Воронежский государственный университет

Молчанова Н. А., профессор кафедры русской литературы XX века

E-mail: molchanova47@mail.ru

Voronezh State University

Molchanova N. A., Professor of the XX and XXIst Century Russian Literature Department

E-mail: molchanova47@mail.ru